

Мосяков Дмитрий Валентинович

доктор исторических наук, профессор,
заведующий Центром Юго-Восточной Азии,
Австралии и Океании ИВ РАН, Россия, Москва,
mosyakov.d@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0003-2701-3533>

**К КРИТИКЕ КОНЦЕПЦИИ
«НЕЗАПАДНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА»**

Аннотация: Статья посвящена критике концепции так называемого «незападного политического процесса». В ней высказывается мнение, что эта концепция, сформулированная еще в середине 50-х годов XX века, сегодня устарела. Дело в том, что после активной фазы процесса глобализации и огромных изменений в политической, экономической и социальной структуре восточных обществ за прошедшие 60 лет, различия между тем как делается политика на Западе и Востоке фактически исчезли. В статье приводятся доказательства того, что ныне мы можем видеть некий универсальный механизм власти, который одинаково интенсивно используется как в западных, так и в восточных обществах и государствах.

Ключевые слова: общество, выборы, демократия, власть, коммуникации, партия, система, глобализация, элиты

Для цитирования: Мосяков Д.В. К критике концепции «незападного политического процесса» // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том I, № 1 (50). С. 5–31. DOI:10.31696/2072-8271-2021-1-1-50-005-031

**A Critique of the Concept
of “Non-Western Political Process”**

Abstract: The article is devoted to criticism of the concept of the so-called “non-Western political process”. Author expresses the opinion that this concept, formulated back in the mid-50^s of the 20th century, is outdated today. The fact is that after the active phase of the globalization process and huge changes in the political, economic and social structure of Eastern societies over the past 60 years, the differences between how

politics is done in the West and the East have virtually disappeared. The article provides evidence that now we can see a certain universal mechanism of power, which is equally intensively used in both Western and Eastern societies and states.

Keywords: *society, elections, democracy, power, communications, party, system, globalization, elites*

Dmitry V. Mosyakov, Doctor of Historical Science, Professor, Head of the Center for Southeast Asia, Australia and Oceania Studies, IOS RAS, Russia, Moscow, mosyakov.d@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2701-3533>

For citation: Mosyakov D.V. A Critique of the Concept of “Non-Western Political Process”. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2021, T. I, № 1 (50). Pp. 5–31. DOI:10.31696/2072-8271-2021-1-1-50-005-031

Вопрос о том существует ли на практике «незападный политический процесс», и особый восточный механизм власти, отличный от западного, является актуальной проблемой современной политологии и истории. От его решения зависит понимание современного глобального мира либо как единой системы развивающейся в рамках общих представлений понятий и структур или, наоборот, системой дискретной, где разные части сущностно отличаются друг от друга¹.

Для того, чтобы доказать, что в современных условиях на излете процесса глобализации эта концепция явно устарела, спорна и противоречива достаточно проанализировать известную статью американского политолога китайского происхождения Люсьена Пая, которой еще в 50-е годы прошлого века собрал воедино большинство доказательств в ее пользу и последовательно изложил их в научной статье, которая до сих пор рассматривается многими как классика современной политологии.

Уже само название его научной статьи «Незападный политический процесс» (*The non-western political process*) показывает, что цель ее заключалась в том, чтобы суммировать большинство тезисов и представлений относительно реальности этого явления. Написана она была в 1957 г., когда со всей очевидностью вне Европы и Америки рушился старый привычный колониальный мир, возника-

ли новые государства, и было крайне актуально и важно понять насколько надвигавшееся будущее, рождавшееся в Азии, будет копировать западные образцы, или же на свет появятся принципиально иные политические системы. Л. Пай последовательно изучал этот вопрос, не только выступал, но и активно организовывал дискуссии, с привлечением ведущих политологов, причем всегда отстаивал существование социокультурных особенностей у «западного» и у «незападного» типов политического процесса, связывал их принципиальные различия с культурным «кодом», определяющим политические ориентации и поведение населения в западном и «незападном» мире. Свое видение этой проблемы он изложил в статье, которая состоит из 17 выделенных им аргументов в пользу своей концепции «незападного политического процесса», которые как раз и фиксировали это отличие.

Следует особо отметить, что в критике и этих аргументов и самой концепции, сформулированной Л. Паем, мы будем рассматривать как исторический опыт, так и приводить конкретные примеры из жизни стран Юго-Восточной Азии, политическая история которых собственно исследуется в настоящей работе.

Перечисление своих аргументов в пользу «незападного политического процесса» Л. Пай начинает с утверждения, что (1) «в “незападных обществах” политическая сфера не четко отделена от общественных и личных взаимоотношений. Базовая структура “незападной” политической жизни – структура общинная, политическое поведение связано с общинной идентификацией. Это заметно в крупных общинных объединениях, где существует несколько этических или религиозных традиций. Общинная структура политической жизни, – отмечал он, – ограничивает влияние политических идей. Реакция на попытку отстоять определенную точку зрения будет, скорее всего, зависеть от социального статуса “защитника”, а не от содержания его взглядов. Таким образом, вряд ли можно говорить о существовании некоего свободного рынка, на котором политические идеи и теории могли бы соревноваться, а наиболее достойные из них получать поддержку. Политические дебаты в данном случае сводятся к внутриобщинной полемике или к попыткам одной из групп оправдать свою позицию. ... любое изменение политической идентификации, – заключает он, – требует смены социальных и личных связей; и наоборот, новые социальные связи обычно влекут за собой перемену политической идентификации».

Справедливость рассуждений Л. Пая относительно того, что по большей части организация азиатских социумов носила общинный характер, возражений не вызывает. Но вопрос в том насколько эта общинность являлась решающей при том или ином выборе политического курса местной элитой уже тогда, в 50-е годы прошлого века, вызывал большие споры. Причина этого в том, что общинная организация азиатских социумов уже в то время оказывалась, под серьезным давлением со стороны урбанизирующихся социальных групп. Именно в разросшихся городах, где общинность ощущалась уже очень слабо и люди оказывались в новой для них социальной среде, и стала решаться азиатская политика.

Поэтому утверждение о том, что общинные связи служат препятствием свободной конкуренции политических идей и теорий уже в 50-е годы прошлого века реальной действительности соответствовала лишь отчасти, исключительно в той сфере – сельской местности, где эти связи господствовали. В городах уже все было иначе, и политическая конкуренция там была очевидной.

Сегодня тезис о решающей роли общинности при формировании политики в странах ВА и ЮВА может быть справедлив отчасти к такой стране как патриархально-бедный Лаос или к непризнанным национально-этническим образованиям в Бирме, вроде национальных автономий шанов, качинов, каренов и монов. Опыт практически всех наиболее успешных стран этого региона показывает, что ядром политического процесса в них выступает, как и в Европе, конкуренция политических партий, которые формируются на широкой социальной основе и обладают всеми качествами универсальных политических организаций – программой, уставом, определенной иерархией политического руководства. Их деятельность в той или иной степени отражает цели и интересы основных социальных групп, определяется собственной идеологией и общественными ценностями. При этом их отличия от западных образцов носят по большей части формальный или ситуативный характер, как говорится, картинки разные, а по сути – практически идентичный процесс.

Следующий тезис Л. Пая связан с тем, что (2) политические партии в незападных обществах обычно выступают представителями определенного мировоззрения, определенного образа жизни. «Отсутствие четко выделенной политической сферы, – пишет он, – означает, что нельзя говорить об ориентации политических групп и объединений на особую, политическую сферу деятельности, они

ориентированы на какой-либо аспект общинной политики. Попытки создания политических партий, придерживающихся определенного политического курса, заканчиваются либо провалом, либо принятием этой партией некоего всеобъемлющего этического кодекса, который в скором времени полностью затемняет изначальную цель. Обычно политические партии, – заключает он, – отражают интересы некоей социальной подгруппы или же личные интересы влиятельного лидера».

Комментарий к этим размышлениям Л. Пая вполне однозначен: в тот период, когда он формулировал свои тезисы, зафиксированное им явление носило достаточно распространенный характер, так как действительно, после ухода колонизаторов политические партии и движения в странах Востока, ставили перед собой задачу предложить обществу «некий всеобъемлющий этический комплекс», который стал бы объединяющей программой для освободившихся государств. В качестве примера таких политико-этических комплексов можно привести концепцию Панча Силы в Индонезии, Руконегары в Малайзии, или «Нового порядка» на Филиппинах. Для послевоенного Запада такие всеобщие политико-этические программы остались в прошлом, и были уже нехарактерны западному обществу, хотя до Второй мировой войны и в Германии, и в Италии, и в других европейских странах подобные же общенациональные политико-этические кодексы были крайне распространены.

Справедливость суждений и выводов Л. Пая усиливалась еще и тем, что в странах ЮВА, например, в середине 50-х на волне антизападных настроений, отдельные популярные политические лидеры готовы были экспериментировать в эмпирическом конструктивизме и искать новые незападные формы политической организации. Развивались идеи коллективного представительства, когда какой-нибудь народный конвент, собранный достаточно произвольно, получал бóльшие полномочия, чем национальный парламент (как в Камбодже или Индонезии), или когда президент Сукарно в той же Индонезии предлагал вообще распустить политические партии, «так как они раскалывают нацию»². Здесь важно то, что его предложение поддержано не было, а значит уже тогда политические элиты стран ЮВА не мыслили организацию своей власти вне западных ориентиров, причем такого подхода придерживались и коммунисты, и их идеологические противники. В рамках прозападного пути речь шла о демократической конкуренции политических

партий, в рамках просоветско-китайского – о доминировании одной коммунистической партии, выстроенной по советско-китайским лекалам. Партии уже тогда воспринимались как совершенно естественный и универсальный атрибут всего властного механизма, слабо завязанный на общинность, и поэтому ни тогда, ни позже ликвидировать их в Индонезии не удалось. Сам Сукарно признавался, что «натолкнулся на глухую каменную стену сопротивления со стороны партий, которые хотел распустить, и вынужден был отказаться от этой идеи»³.

Так что уже в 50-е годы в странах ЮВА политический процесс носил универсальный характер, хотя разглядеть это за пеленой военных переворотов, политических программ, появления и исчезновения политических лидеров, общей нестабильности и переходности было совсем непросто. Сегодня общинные партии, несомненно, существуют, но в Юго-Восточной Азии не они определяют характер и суть политического процесса. С уходом с политической арены харизматичных политиков – лидеров и борцов за независимость, политический процесс в странах ЮВА заметно упростился – также как и в Европе, по сути, он стал переплетением разнообразных интересов социальных групп, сельского и городского населения, специфических интересов элиты. Сложилась довольно мобильная система, способная реагировать на многочисленные вызовы, причем и ее основные структуры и модель организации и способ решения проблем и формулирование целей, по большей части тождественные западным образцам.

Л. Пай в качестве различия полагает, (3) что «характерной особенностью политического процесса незападных стран является наличие большого числа разного рода клик». «Отсутствие сформировавшейся политической сферы и тенденция политических партий опираться на свое мировоззрение, – пишет он, – способствуют тому, что наиболее структурированными органами принятия решений становятся личные клики. Хотя общие соображения, касающиеся общественного статуса, и определяют границы власти..., структура политических взаимоотношений практически всегда зависит от решений, принятых на персональном уровне. Это происходит из-за того, что социальная структура незападных обществ характеризуется функциональной раздробленностью; индивидуумы и группы не имеют четко определенных обязанностей и ролей и, таким образом, не представляют особенных интересов, которые отличали бы их от других объединений. Не существует какой-либо ясной, четко

структурированной модели, – указывает он, – на которую могла бы ориентироваться повседневная политическая деятельность».

Рассуждения Л. Пая относительно того, что решения в странах Востока принимаются исходя из личных предпочтений, или мнения окружающих правителя политических клик совершенно справедливы. И в 50-е годы, да и сейчас можно привести массу примеров таких явлений. Но все дело в том, что он, видимо, забывает, что современный ему восточный авторитаризм был жалкой копией тоталитарно-фашистских режимов в Европе – в Италии или в Германии, существовавших накануне Второй мировой войны. Персонализм и борьбу клик на решение правителя можно рассматривать как общую и для западных, и для восточных социумов болезнь, особенно распространенную среди авторитарных режимов.

Сильный лидер в странах ЮВА действительно был окружен разными группами интересов, которые боролись за преобладающее на него влияние, и он принимал многие решения персонифицировано, исходя из своих собственных целей и задач. Этим политическая власть в ВА и ЮВА отличалась тогда от западных послевоенных демократий. Но дальше страны ВА и ЮВА двинулись тем же путем, которым пошли страны Европы после Второй мировой войны – повсюду стал развиваться процесс становления универсальных политических механизмов, которые были аналогичны западным. Так, по словам Ю.А. Нисневича и А.К. Хахуновой, в странах Востока «несколько позже начался процесс глобализации, который обусловил унификацию и интернационализацию в реформирования госуправления»⁴. Этот же процесс отмечали и на Западе. По словам К. Худа, в странах Востока «государственное управление стало более интернациональным и как явление, и как предмет исследования»⁵.

В своем следующем (4) тезисе Л. Пай, пишет, что «особенности политической лояльности в незападных обществах предоставляют лидерам политических групп весьма высокую степень свободы в выборе как долговременной, так и краткосрочной стратегии. Общинная модель функционирования политики и тенденция политических партий выражать некое мировоззрение означают, что политическая лояльность обусловлена, скорее, чувством идентичности с какой-либо определенной группой, а не политическими целями подобной группы. От лидеров ждут максимизации выгоды всех членов группы, а не продвижения каких-либо конкретных политических целей и ценностей», – заключает он.

Л. Пай, как мы видим, раз за разом возвращается к идее общинности, «общинной модели политики» как ключевой для политического процесса на Востоке. Для 50-х годов это была спорная позиция, так как уже была ощутима решающая роль урбанизированного населения в политике, сегодня то, что он защищал тогда, даже не может быть предметом спора. Такое положение сегодня не соответствует реальности, так как «общинная модель политики» реально существует на низшем уровне политической системы, на местах. На уровне общенациональных задач роль общинности по большей части эфемерна.

К общинным связям политики стран ВА и ЮВА апеллируют сегодня исключительно как средству мобилизации своей электоральной поддержки, наравне с обращением к элите, городским слоям, этническим и социальным группам.

Что касается логики власти авторитарных лидеров Востока и Запада, о чем также здесь говорит Л. Пай, то различия минимальны, так как в едином политическом поле используются универсальные политические методы и механизмы. Есть общий механизм авторитарного режима с определенной структурой власти, «красными линиями для политической оппозиции», политической лояльностью, системой подавления, харизмой правителя и апелляциями к мнению народа.

Но можно понять и Л. Пая. В 50—60-е годы прошлого века в странах Восточной и Юго-Восточной Азии происходил расцвет авторитарных режимов. В силу разных причин первоначальный этап становления государственности эти страны проходили в рамках авторитарного правления. Достаточно вспомнить президента Сукарно в Индонезии, принца Сианука в Камбодже, Фердинанда Маркоса на Филиппинах, Ли Куан Ю в Сингапуре, У Ну, а потом Не Вина в Бирме. К ним можно добавить еще и сплоченную группу тайландских генералов и маршалов – диктаторов от Плэк Пхибунсонгкрама и до Танома Киттикачона.

Только уже за горизонтом работы Л. Пая в странах региона произошли такие перемены, которые привели к почти полному исчезновению авторитарных правителей и переходу к относительно конкурентной демократии. Большую роль в этом сыграли серьезные ограничения власти диктаторов и со стороны влиятельных финансово-экономических групп, и со стороны сформировавшейся интеллигенции, которая заняла ведущие позиции в образовании и средствах массовой информации. Поэтому можно вполне твердо

утверждать, что и в Малайзии, и в Индонезии, и на Филиппинах, и вплоть до военного переворота в Бирме, в Таиланде вполне сформировались демократические механизмы власти, которые ни по сути, ни по форме не отличались от своих западных аналогов.

Следующий тезис Л. Пая (5) заключается в том, что «в незападном политическом процессе оппозиционные партии и претендующие на власть элиты часто становятся инициаторами революционных движений». «Так как лидеры незападных обществ, – пишет он, – обычно видят свое предназначение в реформировании всех сфер жизни, а политические объединения являются носителями какого-либо мировоззрения, то любая предполагаемая замена государственного руководства будет восприниматься как имеющая революционный подтекст. Тот факт, что правящие партии большинства незападных стран готовы провести тотальную модернизацию общества, обостряет политические разногласия, которые чаще всего не ограничиваются локальной проблемой, а ассоциируются с фундаментальными вопросами дальнейшей судьбы общества».

Л. Пай еще указывает, что «подобная ситуация объясняет неудачи попыток создания пользующихся доверием оппозиционных партий. Например, индийская партия Национальный конгресс смогла достичь такой степени идентификации с судьбой всей страны, что оппозиционные партии, с одной стороны, должны предпринимать усилия, чтобы не выглядеть врагами развития Индии, а с другой – не разделять тех же целей, что и правящая партия. Понимание оппозиционными партиями тщетности попыток прийти к власти заставляет их обращаться ко все более радикальным методам, поэтому они действительно могут превратиться в революционные движения».

Сегодня тезис Л. Пая относительно специфики деятельности оппозиционных партий на Востоке, которые не имеют возможности прийти к власти легально, его наблюдения, что политическая борьба выливается в партизанские войны и революционные движения смотрится как откровенная архаика. Возникает ощущение, что, по крайней мере, сам Л. Пай не очень понимал какие высокие ставки стоят перед политическими силами в постколониальном мире, предопределяющие и остроту, и жестокость, и бескомпромиссность борьбы. Ведь правящими элитами решался вопрос выбора будущего пути развития. С одной стороны, перед ними был опыт Китая и СССР, увлекавший их к радикальным реформам, к социалистической и коммунистической перспективам и, соответственно, к

вступлению в социалистический лагерь. С другой, был иной путь – следование в русле частнопредпринимательской экономики, демократической политической системы с опорой на страны Запада и прежде всего на США. Проблема выбора пути развития и борьба за этот выбор привели к многочисленным войнам и переворотам, как, например, это было во Вьетнаме, где на одной части страны власть оказалась в руках коммунистов, а на другой – в руках сторонников сначала союза с Францией, а потом с США. Перевороты генерала Не Вина в Бирме в 1962 г. или отстранение от власти Нородома Сианука в Камбодже в 1970 г., физическое уничтожение миллионов сторонников и членов Компартии Индонезии в 1965 г. – это все были звенья одной и той же цепи.

Но потом острота этого противостояния стала постепенно снижаться, а после распада СССР в 1991 г. исчезла вовсе. Политическая борьба в странах ВА и ЮВА сразу потеряла свой глубокий радикализм и угрозу тотальных перемен. В той же Индонезии политический процесс вошел, и уже многие годы идет, во вполне демократическом русле, в Малайзии демократическим путем по результатам выборов оппозиция недавно прервала многолетнее правление Союзной партии, или та же Бирма, где до последнего времени, казалось, был найден компромисс между армией и гражданскими политиками. Особенно показателен пример Индии, опыт которой Л. Пай приводит в качестве справедливости своих аргументов. Там эпоха безраздельного доминирования ИНК, на которую он ссылается, давно закончилась и в стране сформировалась развитая многопартийная система, с развитыми демократическими институтами, как и в любом ином демократическом государстве.

Далее для подтверждения реальности «незападного политического процесса» Л. Пай приводит еще один аргумент (6): «Для незападного политического процесса, – пишет он, – характерно отсутствие интеграции его участников; что является производной отсутствия единой системы коммуникации в обществе. В большинстве незападных обществ нет единого политического процесса, в рамках которого реализовалась бы политическая активность всех слоев населения, там существует несколько отдельных и практически независимых друг от друга политических процессов. Наиболее яркий пример – доминирующая урбанизированная государственная политика и традиционный деревенский уровень управления. Конфликты, центральные для одного уровня, практически отсутствуют в другом. Подобная ситуация есть следствие системы коммуникации,

существующей в большинстве незападных обществ». Здесь же он отмечает, что «средства массовой информации доступны лишь горожанам и тем, кто вовлечен в политический процесс на государственном уровне. Большинство людей вынуждены пользоваться традиционной устной коммуникацией. Даже в том случае, когда средства массовой информации и достигают деревни (газеты или радиоприемники), они не обеспечивают практически никакой обратной связи. Радио обращается к жителям деревни, но оно не говорит с ними».

Приведенное выше суждение Л. Пая о том, что в странах Востока политика как бы разделена и отсутствует коммуникация между государственным уровнем принятия решений и местным встречается в очень многих публикациях о «незападном политическом процессе». Их авторы любят указывать на то, что в странах Запада политика охватывает весь социум и отражает интересы большинства, а на Востоке единого политического поля не существует – авторитарные клики располагаются наверху и общинная демократия внизу. Не исключая, что в 50-е годы прошлого века все именно так и было. Но сегодня в странах ВА и ЮВА все уже по-другому: сложилось единое информационное поле, которое фактически исключило раздельность политики наверху и внизу, а политические партии, общественные структуры и неправительственные организации сформировали общее социально-политическое пространство, которое образует цельность социально-политической системы.

Произошедшие перемены в сфере политики и коммуникации также существенно расширили возможности крестьянских социумов влиять на принятие правительством тех или иных решений. Достаточно привести пример Таиланда, где именно крестьяне отдаленных территорий Исана на северо-востоке Таиланда, стали главной движущей силой в поддержку политического движения за реформы возглавляемого премьер-министром Таксином Чинаватом. Именно их политическая активность привела к слому традиционной политики, которая концентрировалась в основном в городах и главными ее участниками были урбанизированные слои населения.

В то же время есть и иной процесс, который существенно влияет на расстановку социальных групп и в западных, и в восточных сообществах. Дело в том, что за годы, прошедшие после выхода статьи, численность и влияние крестьян в странах Востока и Запада сократилась очень существенно, и этот факт вносит определенные ограничения возможности сельских жителей влиять на при-

нятие тех или иных политических решений. Для того, чтобы убедиться в справедливости этого вывода достаточно провести анализ динамики того, как с 60-х годов прошлого века менялось соотношение сельского и городского населения в странах Восточной и Юго-Восточной Азии. В 1960 г. во Вьетнаме было 85,3% сельского населения и 14,7% городского, в Индонезии – 85,4% сельского и 14,6% городского, в Китае – 83,8% сельского и 16,7% городского, в Малайзии – 73,4% сельского и 26,6% городского, в Японии – 36,7% сельского и 63,3% городского. Для сравнения в Европе в это время в Бельгии – сельского населения 7,5% на 92,5% городского, в Германии – 28,6% сельского и 71,4% городского, в Англии – 21,6% сельского и 78,4% городского.

Сегодня по данным на 2019 г. картина существенно иная: Вьетнам – сельского населения 63,4% и 36,6% городского, Индонезия – сельского 44% на 56% городского, Китай – 39,7% сельского на 60,3% городского, Малайзия – 23,4% сельского на 76,6% городского, Япония – 8,3% сельского на 91,7% городского. В странах Европы происходил ровно такой же процесс: Бельгия – 2% сельского на 98% городского, Германия – 22,6% сельского на 77,4% городского, Великобритания – 16,3% сельского на 83,7% городского⁶.

Как мы видим, доля сельского населения в общем населении ВА и ЮВА и в Европе непрерывно сокращается, причем в некоторых странах очень значительно, чуть ли не в два раза. Это общий, можно сказать, универсальный социальный процесс, только подтверждает отсутствие существенных различий в путях развития государств Европы и ЮВА. Кстати, в сельском населении стран ЮВА произошли и качественные перемены: сформировался влиятельный слой крестьян, у которых существенно выше стал уровень жизни, образования, информированности и участия в политике. Благодаря этому, отмеченный Л. Паем барьер между политикой верхов и жизнью крестьянского социума в большинстве стран региона просто исчез, либо стал совсем незначительным, отражающим специфику отдельных наиболее отсталых и бедных районов.

В подтверждение своей концепции Л. Пай выдвигает еще один аргумент: он пишет, что (7) «незападный политический процесс» «отличается высокими темпами рекрутирования новых политиков». По его мнению, «массовый характер политики в традиционных обществах подразумевает постоянно растущее число вовлеченных в нее участников и организаций. Этот процесс стимулировался высокими темпами роста городского населения, что значи-

тельно увеличило число людей, разбирающихся в государственных делах. Для культурной социализации элиты характерно образование системы взглядов, общих для всего городского населения. Появление стремящихся к власти элит, требующих, чтобы к их мнению прислушивались, напрямую зависит от темпов урбанизации. Практически во всех незападных обществах присутствует особый слой горожан, которые, не участвуя в политическом процессе, значительно влияют на поведение правящей элиты самим фактом своего существования».

Очевидно, что тезис Л. Пая о том, что «незападный политический процесс» «отличается высокими темпами рекрутирования новых политиков» выглядит несколько странно, так как любой политический процесс, и в том числе на Западе, предполагает «рекрутирование новых политиков» и смену лиц в любой системе власти. Я полагаю, что американский ученый имел в виду особую скорость и быстроту того, как это происходило в странах Востока в 50-е годы прошлого века. Тогда в странах ВА и ЮВА выстраивались национальные государства, формировались их политические системы, происходила борьба за выбор пути дальнейшего развития, сталкивались амбиции участников освободительной борьбы. В таком политическом «бульоне» все происходило очень быстро: приходили и уходили в отставку правительства (в Камбодже, например, одно из правительств продержалось у власти только четыре дня), возникали и исчезали политические организации и активисты, слой тех, кто позже станет политической элитой был очень тонок и постоянно пополнялся все новыми лицами.

Но сегодня этот «веселый» период в истории стран ВА и ЮВА остался позади, практически везде сформировались вполне устоявшиеся политические и финансовые элиты, а «рекрутирование» новых политиков во власть происходит также как и в странах Запада – через политические партии, государственные структуры, либо общественные организации. Более того, новая правящая элита вполне однозначно демонстрирует свою приверженность универсальным принципам свободы и демократии, и в этом составляет одно целое с коллективным Западом. Так, например, в ключевой для современного развития стран региона – хартии АСЕАН, принятой на саммите в Себу в 2007 г., указывается, что демократическая политическая система, уважение прав и свобод людей должны выступать во всех странах АСЕАН в качестве основы политического механизма власти⁷.

Л. Пай также полагает, что (8) для «незападного политического процесса» характерны серьезные различия в политических пристрастиях разных поколений. Социальные перемены, происходящие в большинстве незападных обществ, нарушили преемственность традиций рекрутирования⁸ индивидуума в политику. Совсем необязательно, что новые поколения воспримут тех, кто участвовал в антиколониальных революционных движениях, как безусловных лидеров; но революционность их роли будет служить достаточным основанием для признания за ними статуса элиты. «В таких странах, как Бирма и Индонезия, – пишет он, – партии, не принимавшие участия в революции, считают себя несправедливо отстраненными от участия в принятии наиболее важных для страны решений. Они убеждены, что правящая элита должна претендовать на правомочность своего положения на основе незыблемых оснований, а не реальных достижений. Эта проблема, присущая незападным обществам, усугубляется демографическими факторами: там очень высокий уровень рождаемости, а средний возраст населения большинства незападных обществ – 20–25 лет. Молодое поколение оказывает давление на лидеров; их интересы противоречат интересам правящей элиты, которая намеревается править в течение еще многих лет».

Вся коллизия, относительно разности поколений и противостоянии старшего поколения руководителей с поколением молодых, что Л. Пай относит исключительно к «незападному политическому процессу», на самом деле является общей универсальной чертой любого механизма власти как в странах Запада, так и в странах Востока. И там, и там многочисленные новые поколения не собираются ждать, когда старшее и заслуженное поколение руководителей уйдет, и стремятся быстрее прийти к власти. Трудно сказать, что в таком противостоянии есть специфически восточного. Вспомним хотя бы знаменитые молодежные волнения во Франции в 1968 г. Там тоже многочисленные послевоенные поколения требовали перемен, отказывались признавать желание президента Де Голля выдвигаться на новый срок.

Сегодня, как мне представляется, проблема конфликта поколений скорее стоит перед западным, чем незападным социумом. Гендерные, трансгендерные, радикально либеральные и радикально экологические идеи и представления, популярность левых и анархистских взглядов среди молодежи кардинально меняют лицо западного мира. Приходят поколения, которые разрывают с прошлым

и как в Америке сносят памятники недавним героям под предлогом того, что они не подходят на роль положительного примера для нового общества. В Восточной и Юго-Восточной Азии подобного не происходит, конфликт поколений существует, но такого противостояния власти и молодежи, как это есть на Западе, в странах региона нет. Нет и другого противостояния, подмеченного Л. Паем, когда те, кто боролся за независимость, не допускали к власти тех, кто оставался в стороне. Сегодня ни в Индонезии, ни в Бирме – странах, которые он приводил в качестве примера, такого как раньше разрыва элит не существует, даже несмотря на недавно произошедший переворот и аресты в Бирме. В ВА и ЮВА господствует сложносоставная политическая элита, включающая различные группы интересов, борющихся за власть, каждая из которых при определенных обстоятельствах имеет возможность прийти к власти.

Еще одно отличие «незападного политического процесса» Л. Пай увидел в том что (9) в восточных социумах «практически отсутствует единое мнение по поводу легитимности целей и средств политического действия. Незападные страны, по его словам, постоянно находятся в процессе прерывающихся и вновь возобновляющихся социальных перемен, что исключает вероятность появления некоего разделяемого большинством соглашения о приемлемости тех или иных политических целей и средств. В наиболее значительных незападных государствах существуют граждане, столь хорошо усвоившие западную культуру, что их представления о политике и отношении к ней практически не отличаются от западных стандартов. Но, с другой стороны, жители деревни практически не ощутили на себе влияние Запада. Вряд ли можно ожидать общей оценки политического действия от людей, фактически живущих в разных мирах».

Как мы видим, увеличивая количество аргументов в пользу своей концепции, Л. Пай вновь возвращается к пропасти между политикой верхов и политикой на местах, которые противостоят друг другу и не признают взаимную легитимность. Никто не отрицает, что такое тогда встречалось, причем довольно часто, особенно в годы Первой Индокитайской войны в Камбодже, Вьетнаме и Лаосе. Коммунисты, опираясь на местную политику, лишили легитимности политику верхов и, в конечном итоге, победили. Но те времена остались в далекой истории, сегодня ничего такого, что было подмечено Л. Паем в странах Восточной и Юго-Восточной Азии уже не встречается. Причина этого в единстве политической элиты, а

также политического и информационного поля в целом, которые, как и в странах Запада, пронизывают все общество и исключают возможность успешной альтернативной политики.

Л. Пай обосновывает свою концепцию еще и тем обстоятельством (10), что в «незападных обществах процесс принятия политических решений слабо зависит от интенсивности и масштаба политических дискуссий». «Западные наблюдатели, – пишет он, – поражены тем, что, несмотря на то, что большинство населения довольно апатично относится к политической деятельности и к тому же имеет далекую от совершенства систему коммуникаций, оно весьма неплохо осведомлено о всех политических событиях. Крестьяне и сельские жители часто и подолгу обсуждают мир политики, который находится за пределами их повседневной жизни, однако они не готовы пользоваться этой информацией для того, чтобы влиять на государственную политику». Далее он отмечает, что «искусство обсуждения политических вопросов вовсе не означает желания участвовать в политической жизни».

Как мы видим, Л. Пая явно не покидает мысль, что сельские жители в странах Востока сильно обделены демократией, что они представляют собой специфическую социальную группу, которая рассуждает о политике, но влиять на нее не может. Мы уже выше выяснили, что это ложное представление, хотя такие же примерно представления бытуют и поныне, что, мол, в странах Востока существует противостояние сельского традиционного мира как абсолютно консервативной силы и урбанистического прозападного города, что сельским населением легко манипулируют и всё это сильно контрастирует с тем, что происходит на Западе.

Не менее странно выглядят наблюдения Л. Пая о том, что на Востоке «процесс принятия политических решений слабо зависит от интенсивности и масштаба политических дискуссий». Я полагаю, что дискуссия в любом случае универсальный метод принятия решений и даже в закрытой уже много десятилетий Северной Корее происходят дискуссии относительно тех или иных решений. Другое дело, они не афишируются и могут стоять проигравшим жизни, но без них механизм принятия решений существовать просто не может, причем и на Востоке, и на Западе.

Сегодня политическая система практически всех стран ЮВА строится на основе политической конкуренции и противостоянии правящей партии и оппозиции. В принципе такое же положение существовало и в 50-е годы. В Индонезии, например, в парламенте

были и коммунисты и Машуми – основная исламская партия страны, на Филиппинах борьба разворачивалась между Либеральной партией (правлящая в 1946–1954 и 1961–1965) и Националистической партией (у власти в 1954–1961 и с 1965), оппозиция и правящие верхи сталкивались в Камбодже, Таиланде и в Бирме. Так что все эти факты Л. Пай вполне мог бы учесть в своей концепции.

Л. Пай указывает также, что (11) в «незападном политическом процессе» очень высока взаимозаменяемость политических ролей. «При исследовании политического процесса возникает такое ощущение, – отмечает он, – что наиболее политически значимые посты не имеют четко определенных функций. Например, роль государственной бюрократии как нейтрального инструмента гражданской администрации может совмещаться с функцией политической партии или группы интересов. Иногда армия выступает в роли правительства. Даже внутри бюрократического и государственного аппарата любой человек может быть официально назначен для выполнения каких-либо определенных функций».

Вполне вероятно, что приведенный выше аргумент Л. Пая о неупорядоченном политическом поле в странах Востока мог соответствовать той ситуации, которая реально существовала там в 50-е годы XX века. Дело в том, что после достижения независимости бюрократического слоя внутри правящей элиты, о котором говорит Л. Пай, в большинстве стран ВА и ЮВА еще не было. Точнее такая бюрократия была, но она теснейшим образом связывалась с колониальными властями, многие ее представители предпочли уехать вместе с колонизаторами, другие в силу своих связей с прошлым были отстранены от своих должностей. На их место пришли не столько функционеры, сколько участники освободительной войны без определенного опыта, но с сильным идеологическим настроем, что превращало их не столько в чиновников, сколько в политических активистов.

Сегодня все это в прошлом и практически во всех странах ВА и ЮВА слой профессиональных чиновников работающих при всех режимах реально существует. В одних странах он более подготовленный и эффективный, как, например, в Сингапуре или Таиланде, в других – менее, как, например, в Камбодже и Лаосе, но он самим фактом своего существования вносит элемент стабильности и предсказуемости, то есть и играет ту же самую роль в механизме управления, что и в Европе.

Л. Пай в своей статье утверждает также, что (12) «для незападного политического процесса характерно наличие сравнительно малого числа организованных групп интересов, обладающих функционально определенной ролью. Хотя в незападных странах число неофициальных политических организаций довольно велико, обычно их интересы распространяются на все сферы жизни, так же как и интересы политических партий или клик. Объединения ради достижения каких-либо конкретных целей встречаются редко. Даже у организаций, созданных по образцу западных групп интересов, таких, как профсоюзы или торговые палаты, как правило, отсутствует четко определенное направление деятельности. Неофициальные объединения, – отмечал он, – стоят на защите всего спектра интересов своих членов в их взаимодействии с государством».

Из этого аргумента, приведенного Л. Паем, следует, что в его понимании «незападный политический процесс» – это много клик, окружающих правителя, но явный недостаток по сравнению с Западом организованных групп интересов, которые формируют гражданское общество. Такой подход не может не вызывать удивления, так как уже в 50-е годы в странах Восточной и Юго-Восточной Азии активно действовали организованные группы интересов – общественные объединения, добивавшиеся «удовлетворения собственных интересов с помощью целенаправленного воздействия на структуры политической власти»⁹. В качестве таких объединений выступали профсоюзы, женские, религиозные, национальные организации, ассоциации торговцев и предпринимателей и многие другие. Это была настолько устоявшаяся практика, что, например, в Камбодже в освободительное движение Кхмер иссарак входили профсоюз работников каучуковых плантаций, ассоциации камбоджийских женщин, революционное объединение студентов, другие структуры гражданского общества. Подобные же структуры действовали практически во всех других государствах региона. Странно, что Л. Пай всего этого не увидел.

Так что даже для 50-х годов прошлого века это был надуманный тезис – в странах Юго-Восточной Азии уже существовали политические и общественные организации, выполнявшие функциональные задачи – лоббировавшие, например, в Индонезии интересы компрадорской буржуазии, а в Бирме – сельских собственников, в Сингапуре – компаний принадлежавших государству.

Про нынешние времена и говорить нечего, так как социумы наиболее развитых стран ЮВА в результате роста экономики, и

связанных с ним социальных перемен, стали такими же дробными, разделенными на сравнительно небольшие группы интересов как и в Европе. Как и там, существует развитая система ассоциаций профсоюзов, объединений, выполняющих те же самые задачи, что и на Западе, представляющих их интересы, причем как через партийные структуры, средства массовой информации, так и путем манифестаций и забастовок, как это было, например, в 2016 г. в Камбодже, когда профсоюз рабочих, занятых в текстильном производстве, организовал многотысячные демонстрации и забастовки с требованием повысить зарплату и улучшить условия труда.

Л. Пай не отметил и другое социально-культурное явление, которое, в странах ВА и ЮВА в середине 50-х только начиналось – появление разного рода неправительственных организаций (НПО), которые вскоре стали активно присутствовать в структуре гражданского общества любой страны ЮВА. Они опирались как на поддержку своего государства, так и по большей части на финансирование из-за рубежа. Это особенно касалось разного рода правозащитных и благотворительных структур. Во Вьетнаме, например, такие организации, по мнению М.С. Зеленковой превратились в непосредственных игроков во вьетнамской политике, где с 1989 г. действует так называемый Координационный комитет народной помощи (*The People's Aid Co-ordinating Committee, PACCOM*), основная цель которого – содействие деятельности иностранных НПО во Вьетнаме, в том числе, развитие связей между иностранными НПО и вьетнамскими госструктурами и муниципалитетами¹⁰. Примерно те же функции выполняют многочисленные НПО и в Камбодже, и в Лаосе, и в Бирме. В Малайзии и Индонезии велика роль религиозных организаций, мнение которых учитывается при принятии политических решений.

В последнее время в странах ЮВА стал широко распространяться японский опыт, когда добровольные, волонтерские организации становятся самым большим сегментом гражданского общества — таких организаций по всей стране насчитывается около 300 тысяч. Они занимаются решением различных проблем бытового характера: очисткой улиц, ремонтом дорог, поддержкой престарелых, охраной правопорядка, пожарной безопасностью, организацией фестивалей. При этом они находятся в постоянном контакте с государственными органами¹¹.

В общем, очевидно, что структуры гражданского общества и в странах ВА и ЮВА, и в странах коллективного Запада и в 50-е го-

ды, и ныне носят универсальный характер, и решали одни и те же задачи, и выполняли одни и те же функции.

Л. Пай, полагал также, что **(13)** «лидеры незападных стран стремятся к достижению популярности во всем обществе, не разделяя его на группы... Политик, – считал он, – оказывается не в состоянии оценить реальные возможности тех, кто выступает за определенное решение, и тех, кто находится в оппозиции к нему; ему неведомо количество ресурсов, необходимых для завоевания поддержки сомневающихся. Чаще всего лидеры могут выявить четко сформулированные точки зрения и определить степень их поддержки только внутри элиты и административно-хозяйственной системы. Что касается всего населения, то у лидеров отсутствуют основания считать, что мнения населения по какому-либо конкретному вопросу серьезно разойдутся».

Совершенно очевидно, что в очередной свой аргумент в пользу «незападного политического процесса» Л. Пай пытается выстроить на противопоставлении политиков. На Западе – это человек, четко представляющий кого он представляет, и чьи интересы отстаивает, а на Востоке – и понять чего хочет большинство народа этот лидер не в состоянии. Сегодня подобные рассуждения выглядят странно. Достаточно любому политику использовать мало-мальски профессиональную группу социологов, и они предоставят вполне адекватный реальности срез интересов общества. Более того, сегодня, впрочем как и во всех развитых странах, в государствах ВА и ЮВА осуществляется непрерывный мониторинг меняющихся взглядов людей на те или иные события.

Вообще, нельзя не отметить, что представление автора статьи о том как «делалась» политика на Востоке носит явно поверхностный характер и опирается на впечатления о том, как вели себя на международной арене такие яркие азиатские лидеры как Джавахарлал Неру в Индии, президент Сукарно в Индонезии, Хошимин во Вьетнаме, Народом Сианук в Камбодже, маршал Плэк Пхибунсонгкрам в Таиланде или даже президент Ли Сын Ман в Южной Корее. Все они были в определенном смысле популистами, все они действительно как бы парили над обществом и старались выражать интересы всех, мало вникая в подробности существовавших проблем. Для них это было не суть важно, так как они стремились навязать обществу свои цели и задачи, полагая, что лучше простых граждан знают, что тем нужно. Но если разобраться, то мы увидим, что ничего особо необычного или специфически восточного в их

действиях не было. В Европе перед Второй мировой войной, то есть за 20 лет до публикации статьи Л. Пая, все было примерно также: авторитарные и полуавторитарные правители навязывали обществу свой дискурс, вне зависимости от мнения простых граждан.

Так что, можно сказать, что Л. Пай как-то забыл о харизматичных, агрессивных, амбициозных и жестоких лидерах Европы 30-х годов. Если бы он вспомнил, то вряд ли бы включил сравнение политиков Востока и Запада как аргумент в пользу своей концепции.

Еще Л. Пай полагает (14), что «аморфный характер политического процесса незападных стран способствует тому, что позиции их лидеров по вопросам международных отношений определены более четко, чем по вопросам внутренней политики. Лидеры незападных стран, имеющие дело с недифференцированным обществом, – отмечает он, – рассматривают международный политический процесс как четко структурированный по сравнению с внутривнутриполитическим пространством. Это позволяет им руководствоваться более точными расчетами, занимая ту или иную позицию в мировой политике. Последнее обстоятельство не только порождает стремление лидеров некоторых незападных государств занять в мировой политике место, явно не соответствующее мощи и авторитету их государств, но и позволяет им фокусировать свое внимание на международных отношениях, а не на внутренних проблемах страны

Вновь какой-то странный аргумент, смысл которого в том, что на Востоке лидеры плохо знают свое социально недифференцированное общество, и поэтому чувствуют себя уверенней во внешней политике, чем во внутренней. Спорить и опровергать Л. Пая здесь бесполезно, так как были политики, которые прекрасно понимали внутренне устройство и запросы общества, достаточно вспомнить Ли Куан Ю, который был очень убедителен именно во внутренней политике, а были лидеры действительно несколько не понимавшие общество, которым управляют, вроде У Ну в Бирме, который лишился власти в результате переворота генерала Не Вина в 1962 г. Можно предположить также, что под аморфным политическим процессом на Востоке Л. Пай имел в виду определенную неразделенность восточного социума на отдельные социальные группы и группы интересов.

Но мне представляется, что совсем не аморфность вынуждала харизматических лидеров стран Востока уделять столько внимания международным проблемам. Они явно искали свой путь развития,

подчас не стремились ни в сторону Запада и США, ни в сторону Китая и СССР. Именно поэтому в 1955 г. на Бандунгской конференции возникло движение неприсоединения, сыгравшее впоследствии важную роль в мировой политике.

Л. Пай в своей статье полагал также, **(15)** что «в незападных государствах эмоциональный и экспрессивный аспекты политики зачастую преобладают над процессом разрешения проблем и определения государственной политики». «Для традиционных обществ, – указывал он, – характерны чрезвычайно высокие показатели эмоциональной и экспрессивной составляющих политики. В западных странах, ключевой проблемой которых является интеграция нации, лидеры довольно часто обращаются к чувствам и символам национального единства, так как реально существующие политические проблемы могут привести к расколу в обществе. Следует отметить, что государственная власть поощряет использование лидерами символов и лозунгов, традиционно ассоциирующихся с государственной властью и укреплением национального единства».

Еще один довольно странный аргумент. Политики как на Западе, так и на Востоке по большей части экспрессивны и выразительны, иначе они не могли бы быть успешными. Что касается пышных церемоний, то и они не являются элементами специфически восточной политики и культуры. Автору статьи достаточно было вспомнить Европу 30-х, Муссолини и Гитлера, Франко и Салазара, с их военными парадами, демонстрациями счастливых трудящихся, особыми знаками приветствия, пышными приемами. Все это были формы легитимации авторитарной власти, разного рода знаки, символы и церемониалы занимали чуть ли не центральное место в государственной пропаганде. В странах Восточной и Юго-Восточной Азии отдельные харизматические лидеры просто использовали в своих интересах этот универсальный метод легитимации власти и мобилизации людей в поддержку своей политики.

В своем предпоследнем пункте **(16)** Л. Пай утверждает, что «главенствующим типом лидерства в незападных сообществах является харизматический»¹². Он пишет, что «определяя харизматическую легитимацию власти, Макс Вебер особо подчеркивал зависимость между ослаблением роли традиций и появлением харизматических личностей. Косвенно он говорил о том, что общества, переживающие культурную революцию, являются идеальной средой для подобного типа лидеров, так как общество, в котором разруше-

на система ценностей, восприимчиво к лидеру, несущему на себе печать богоизбранности и особого мессианства».

Еще один странный аргумент в пользу его концепции. Дело в том, что харизматические лидеры, то есть политики, пользующиеся определенным авторитетом в глазах окружающих, чье правление поддерживается людьми на основе уверенности в их чудесных качествах, встречаются и на Западе, и на Востоке. Харизма не есть что-то специфически восточное. В политике харизма – это универсальный и крайне эффективный элемент авторитарной политики, придающий правителю дополнительную легитимность. Л. Пай как-то забывает, что в 30-е годы в Европе прошла целая волна харизматичных авторитарных лидеров, о которых мы уже упоминали выше, в 50-е в ходе антиколониальной борьбы выдвинулась уже плеяда харизматичных борцов за свободу и независимость в странах Востока. Нельзя не отметить, что появление харизматических лидеров и на Западе, и на Востоке происходит чаще всего в примерно одинаковых обстоятельствах – социумы вступают, как правило, в кризис политический или экономический, ухудшается уровень жизни большинства людей, их поддержка существующей власти. Так в результате затяжного политического кризиса в Италии к власти пришел Муссолини, политико-экономического кризиса в Германии – Гитлер, гражданской войны в Испании – Франко. В странах ЮВА в 50-е годы на волне освободительной борьбы к власти во Вьетнаме пришел Хошимин, в Индонезии – Сукарно, в Камбодже – Сианук – всё это были политики, обладавшие огромной популярностью и симпатией народных масс.

Но кризисы проходят, и необходимость в харизматичных правителях исчезает. Они этого часто не понимают, стремятся удержаться у власти, теряют поддержку и харизму – те, кто еще недавно на них буквально молился, начинают их критиковать, перестают поддерживать, и они становятся жертвами государственного переворота. Именно так развивались события в Индонезии при свержении Сукарно в 1965–1967 гг., в Бирме при свержении У Ну в 1962 г., в Камбодже – Сианука в 1970 г., в Южном Вьетнаме – Нго Динь Зиема в 1963 г.

Сегодня и в Европе, и в странах Восточной и Юго-Восточной Азии явно наблюдается дефицит политиков-харизматиков. Трудно сказать, с чем это связано, так как обострение глобальных противоречий США с Китаем, экономические неурядицы и пандемия создают кризисную и нестабильную ситуацию во многих странах ми-

ра. Полагаю, что если ситуация не будет улучшаться, то мы еще столкнемся и на Западе, и на Востоке с новой плеядой такого рода политиков.

Последний аргумент в рассуждениях Л. Пая – самый интересный (17) и в некотором смысле немного загадочный. Он пишет, что «незападные политические системы функционируют в основном без участия политических “брокеров”. В большинстве западных обществ, – считает он, – не институционализована роль посредника, проясняющего и разграничивающего распределение потребностей и интересов в обществе, участвующего в ведении переговоров, необходимых для согласования и максимизации степени удовлетворения потребностей и интересов сторон. С точки зрения западного исследователя, – указывает он, – наличие политического “брокера” является предпосылкой для создания беспрепятственно функционирующей системы представительного правления. Посредством его деятельности можно, с одной стороны, наилучшим образом разъяснить народу проблемы государственной политики и управления, причем с учетом имеющихся различных интересов и, с другой стороны, доводить многообразные чаяния народа до государственных лидеров».

Как мы видим, очевидная странность и загадочность рассуждений Л. Пая состоит в том, что он вводит в механизм управления новое звено – политических «брокеров», которые, по его мнению, выступают как чуть ли не центральная и главная сила всего этого механизма. Причем они никем не выбираемы и никакого отношения к демократическому процессу не имеют. Судя по его тексту он не имеет в виду простых лоббистов, защищающих интересы того или иного бизнеса. Мне представляется, что Л. Пай под политическими «брокерами» подразумевает тех, кого часто называют сегодня представителями «глубинного государства» иными словами людей, которые принимают важнейшие решения и при этом остаются в тени, но при этом имеют возможность действовать от лица большинства политической и интеллектуальной и бизнес-элиты. Их состав и иерархия нам мало известна, существует масса спекуляций и конспирологических теорий.

У меня, кстати, была возможность увидеть место, где готовятся кадры для такого «глубинного государства». Во время пребывания в Йельском Университете один из знакомых преподавателей специально показал довольно длинные похожие на складские помещения одноэтажные здания в верхней части Нью – Хейвена, в

глубине университетского парка. В этих помещениях, – сказал он, – происходят заседания очень влиятельных людей и туда приглашают лучших и наиболее перспективных студентов. Там их принимают в состав некой тайной организации и начинают привлекать к подготовке определенных решений. В дальнейшем они, закончив обучение и продвигаясь в разных сферах, находясь в разных странах, все равно остаются членами определенного тайного и влиятельного круга – членами одной команды.

Я не исключаю, что сегодня «политические брокеры» для стран Восточной и Юго-Восточной Азии, подготовленные в Йельском Университете или в Гарварде, или в Корнельском Университете, где обучалось раньше и обучается ныне огромное количество студентов из стран Азии, причем по большей части из богатых, влиятельных и авторитетных семей, уже давно активно играют в интересах своей «команды», влияя на принятие важнейших политических и экономических решений, на исход выборов, продвижение того или иного политика.

То, что сегодня в странах ВА и ЮВА политические брокеры есть и активно действуют, сомнений нет. Есть масса косвенных подтверждений – в Южной Корее – мирное смещение президента Пак Кын Хе. В 2016 г. ее обвинили в коррупции и под угрозой импичмента, поддержанного правящей военно-политической элитой, отстранили от власти. Другой пример Индонезия – здесь не было допущено серьезного политического раскола, и сохранено единство правящей элиты, несмотря на то, что результаты выборов и в 2014, и в 2019 гг., где обоих авторитетных кандидатов разделило лишь небольшое количество голосов, казалось, подталкивали к конфликту. Еще один пример – последние события в Малайзии – мягкое отстранение от власти премьер министра Махатхира Мохамата, опять-таки в ситуации, когда весь правящий класс выступил за такое решение, хотя сам неуязвимый премьер не собирался этого делать. В последнее время можно заметить, как их роль растет во Вьетнаме, где американские выпускники практически контролируют основные средства массовой информации и активно влияют на студентов и преподавателей в университетах и учебных заведениях.

Так что сегодня можно вполне обоснованно говорить о том, что «политические брокеры» в странах Восточной и Юго-Восточной Азии есть. Но вопрос в том, насколько эти азиатские политические брокеры по характеру своей деятельности отличаются от европейских и американских. Я полагаю, что они более зависи-

мы от внешних влияний, в иерархии «команды» они явно не на верхних позициях, хотя могу и ошибаться. В целом нет сомнений, что они составляют единый претендующий на глобальность механизм власти, который скрыт от нас завесой тайны, и понять, что он существует, мы можем только по косвенным данным.

Подводя некий итог нашему исследованию можно сказать о том, что «незападного политического процесса» как некоего явления присущего исключительно странам Востока сегодня не существует. Практически ни один из аргументов, в пользу этой концепции, приведенных в статье Л. Пая, на практике не подтвердился. В современной реальности уже нет отдельных восточных и западных социально-политических систем, а существует универсальный механизм власти, действующий практически по всему миру. И на Западе, и на Востоке политическая борьба выражается в одних и тех же дефинициях и явлениях – политические партии, закон, конституция, выборы, свобода слова наличие основной и альтернативной точек зрения на те или иные события. Различие, на которое часто обращают внимание, скорее внешнее, картинки политической жизни отличаются друг от друга, но написаны они по одним и тем же законам, хотя иногда и разными красками.

Еще хотелось бы добавить, что процесс глобализации, который охватил и страны Европы и страны Восточной и Юго-Восточной Азии в значительной мере способствовал общей интеграции, формированию общего понимания власти и системы управления. Некоторые авторы до сих пор с таким выводом не согласны. Кстати, Люсьен Пай несмотря на все исторические перемены так и не поменял свои взгляды, не провел их минимальной коррекции, несмотря на то, что его последняя книга, в которой он рассуждает о реальности «незападного политического процесса» вышла почти через тридцать лет после его эпохальной статьи в 1985 г.¹³

¹ Описание незападного политического процесса, можно обнаружить в следующих ключевых работах: *George McT. Kahin, Guy J. Pauker, and Lucian W. Pye, Comparative Politics in Non-Western Countries // American Political Science Review, XLIX (December, 1955), 1022–41; Gabriel A. Almond, Comparative Political Systems // Journal of Politics, XVIII (August, 1956), 391–409; D. Rustow, Politics and Westernization in the Near East, Center of International Studies (Princeton, 1965)*. Из последних - *Non-Western International Relations Theory / Ed. by A. Acharya, B. Buzan. N.Y.: Routledge, 2010.*

² *Жаров В.А. Официальные идеологические доктрины Индонезии, Малайзии и Филиппин. М., 1985. С. 41.*

³ *The Indonesian Revolution Basic documents and the idea of guided democracy*. Jakarta 1960. P.18.

⁴ См.: Нисневич Ю.А., Хахунова А.К. Методология сравнительного анализа и классификационного распределения систем государственного управления // Полис. Политические исследования. 2015. № 4. С. 75-96.

⁵ Hood C. Public Administration and Public Policy: Intellectual Challenges for the 1990s. // Australian Journal of Public Administration. 1989. Vol. 48. No. 4. P. 346—358.

⁶ <https://svspb.net/danmark/gorod-selo.php>

⁷ См.: Мосяков Д.В. Новые противоречия в Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, М., ИВ РАН, Выпуск XI, 2008, С. 44.

⁸ Kahin G., Pauker G., Pye L. Op. cit. – P. 1024.

⁹ URL: https://studopedia.su/15_61081_gruppi-interesov-sovremennoy-rossii.html

¹⁰ Зеленкова М.С. Роль неправительственных организаций во внутривосточной жизни Вьетнама // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2016, №32, 134-150.

¹¹ URL: <https://www.hse.ru/news/science/73374267.html>.

¹² Kahin G., Pauker G., Pye L. Op.cit. – P. 1025.

¹³ См.: Pye L., Pye M. *Asian Power and Politics: The Cultural Dimension of Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.